

## Глава 319: Обмен намерениями, смахивая снег

В тот день у озера, когда две служанки Нанькэ слились вместе, Чэнь Чаншэн потерял все шансы на победу и совсем не мог им противостоять. Когда он был почти встряхнут до смерти, он полагался на те коробки в серебром и жареных ягнят, чтобы найти шанс выжить, а затем сбежал с помощью Желтого Бумажного Зонтика. Теперь, если рассчитывать, используя время Равнин Незаходящего Солнца, кровавая и опасная битва произошла лишь несколько десятков дней назад, но он смог оттолкнуть объединенную атаку двух служанок, которая заряжалась в течение долгого времени, и даже ранить их. Как мог культиватор так сильно улучшиться за такой короткий период времени? Что именно случилось с ним?

Можно было отчетливо видеть по этому одному удару, что уровень культивации Чэнь Чаншэна не претерпел изменений, и он все еще оставался на верхнем уровне Неземного Открытия. В то же самое время объем истинной эссенции, которым он обладал, был намного меньше, чем у культиваторов аналогичного уровня. Удар меча был действительно изысканным, но самая большая разница была в том, что его истинная эссенция вдруг стала невероятно холодной по какой-то причине, и используя одну лишь энергию меча, он сформировал огромную снежинку.

Даже так... это было не самое большое изменение. Самая важная часть была в изменении его намерения меча. Его намерение меча стало несравнимо утонченным, и почти превратилось в субстанцию.

Должно быть известно, что он следовал своему сердцу, так что не практиковал меч. Как могло его сердце меча стать настолько идеально плавным и ярким за короткие несколько десятков дней?

Шок продлился лишь мгновение, и в бою они не могли глубоко думать об этом. С громким звуком от высокой скорости взмахов крыльев света две служанки превратились в поток света, вновь делая рывок к каменной платформе.

На стороне каменной платформы яркий луч меча осветил окружения. Луч меча появился внезапно, заставив область стать бело горячей, как будто он был ударом молнии.

Раздался скрип на краю кинжала, когда он пронзил воздух.

Порыв света остановился в мгновение, а затем полетел назад на больших скоростях. Он превратился в бесчисленные проблески света в нескольких десятках метров в воздухе, прежде чем рассеяться.

Это по-прежнему был Посох Свержения Горы из Ортодоксальной Академии. Энергия меча все еще была одинокой, намерение меча все еще было утонченным, и сердце меча было настолько идеально плавным и ярким, невообразимо ярким.

Чэнь Чаншэн держал кинжал перед собой, и на его лице не было никаких признаков радости. Он не стал самодовольным, потому что крылья света вдруг исчезли - вместо этого он стал еще более настороженным.

Чэнь очень хорошо знал, что его намерение меча значительно улучшилось, и хотя его первый удар неожиданно смог ранить двух служанок, его второй удар не мог обладать таким идеальным эффектом. Луч меча, который был, как электричество, лишь ранил левое плечо леди по имени Нин Цю, и не ранил ее тяжело. Естественно, было невозможно заставить крылья света противника рассеяться.

Причиной того, почему крылья света рассеялись в бесчисленные проблески света, было то, что кто-то решил, что две служанки не были его противником, и не хотел, чтобы они продолжали тратить свое время.

Его взгляд последовал за парящими проблесками света и остановился на конце божественного пути, который был длиной в несколько километров, на земле перед мавзолеем. Там он увидел маленькую девочку.

Проблески света подлетели и приземлились на ее тело, а затем были поглощены. В ее выражении лица не было изменений, но у нее и не было никаких эмоций с самого начала.

Нанькэ смотрела в конец божественного пути в нескольких километрах вдали на молодых парня и девушку, стоявших на каменной платформе. Она ничего не говорила.

Согласно ее расчетам и предположениям, Сюй Южун бежала в течение всего пути, и после убийства тех монстров, ее кровь истинного феникса должна быть израсходована. Прямо сейчас лишь отравленная кровь должна оставаться в ее теле. Логически говоря, даже если она добралась до этого мавзолея, она должна уже быть мертвой в этот момент, так почему она все еще была жива? Однако, это не имело значения. Было совершенно очевидно, что она была невероятно слабой, и у нее не было сил продолжать бой. Хотя Нанькэ не могла заявить, что победила в этом столкновении судьбы, бог смерти выступит, как самый честный судья. Сюй Южун вот-вот умрет, а Нанькэ будет жить. Этого было достаточно, но проблемой был юноша по имени Чэнь Чаншэн.

Ее учитель Черная Роба не говорил ей все планы относительно Сада Чжоу, так что она не знала. Из-за этого Желтого Бумажного Зонтика и каких-то других причин Черный Роба не рассказал ей о своем окончательном решении. Она всегда считала, что Чэнь Чаншэн, Ци Цзянь и Чжэсю все были целями, которые должны были умереть. Однако, по ее текущей перспективе, он не казался таким простым для убийства, как она представляла.

Она была знакомой с именем Чэнь Чаншэн - не потому, что он занял первое место на Первом Баннере Великого Испытания, не потому, что он познал все монолиты переднего мавзолея за одну ночь, и не потому, что он был самым молодым директором Ортодоксальной Академии за всю историю, а скорее потому, что он был женихом Сюй Южун. Она не думала, что этот юноша сможет исцелить свои собственные раны, сбегаая по равнинам. Она не могла предположить, что хотя его уровень культивации и не поднялся, его намерение меча и боевая сила получили качественный прыжок в сравнении с его силой в бою несколькими десятками дней назад, который однажды был в деталях описан ей двумя служанками.

Что случилось в равнинах? И наоборот, могли ли эти изменения произойти, когда они вошли в мавзолей?

Когда она подумала об этом, ее настроение ухудшилось еще сильнее. Конечно же, независимо от того, насколько магическим была находка Чэнь Чаншэна и Сюй Южун, ей лишь требовалось дать команду волне монстров атаковать их, чтобы очень легко убить их. Однако, она не стала делать этого, потому что монстры сохраняли какое-то природное почтение к этому мавзолею. Она не хотела принудительно заставлять их атаковать, так как это потребует слишком много усилий. Еще более важно то, что она не хотела, чтобы могучий и священный мавзолей стал руинами из-за невероятно грязных, вонючих и глупых монстров. Если это возможно, она не позволит никакому другому организму приблизиться к мавзолею, не говоря уже о том, чтобы входить в него. Так как она не могла изменить то, что уже произошло, ей пришлось лишь неохотно признать Сюй Южун и... текущего Чэнь Чаншэна, стоящих на высокой платформе

перед мавзолеем. Хотя она и считала их врагами, у них было достаточно таланта, и нельзя было считать, что они оскверняли этот мавзолей.

Действительно, в ее глазах это был могучий и священный мавзолей.

Потому что в этом мавзолее был похоронен человек, личность, которую она почитала больше всего в своей жизни. Это почтение было выше, чем к учителю, и еще выше, чем к ее отцу.

Она никогда не выражала этих мыслей, и иногда намеренно выражала противоположное мнение в городе Сюэлао. Потому что, хотя демоны и верили в уважение сильных, хотя было много демонов, которые почитали или даже с ума сходили из-за этого человека, она была благородной Принцессой Демонов. Как она могла почитать человека?

Но она никогда не обманывала свои внутренние чувства.

Она почитала человека, который был похоронен в мавзолее, вне всяких границ.

В городе Сюэлао, в землях демонов, ее отец был сильным, как ночное небо, но лишь этот человек смог оторвать кусок от ночного неба.

Глядя в прошлое и будущее, глядя на континент и океаны, если речь шла о всем ниже звездного неба, этот человек всегда был сильнейшим существом. Для нее такой эксперт заслуживал почтения всей жизни. Кроме того, у её учителя и этого человека были бесчисленные тайные связи. Эти связи уже давно были величайшей честью в глубинах ее сердца.

Сегодня она наконец-то прибыла к мавзолею.

В сравнении с этим событием, что-то такое, как достоинство Принцессы Демонов, или холодное отношение ее отца, не было важным.

С подобным настроением Нанькэ начала приближаться к мавзолею по божественному пути.

Божественный путь был длиной в несколько километров. С ее уровнем культивации она могла вмиг перелететь его, но чтобы выразить свое уважение к человеку в мавзолее, она не делала этого. Ее шаги были очень мягкими, а ее манеры - невероятно осторожными. Она очень медленно шла, и ее выражение лица было очень серьезным, как будто она боготворила его.

Между ее шагами сотни зеленых хвостовых перьев медленно выросли из ее тела, а затем внезапно открылись на встречном ветру. Это было неописуемо красиво. Солнце на краю равнин уже стало размытым шаром света. Цвет неба не переставал быть темным и мрачным, и даже помрачнел еще сильнее. Она, кто шел по пути, освещалась последними лучами заходящего солнца, становясь ярче и ярче, как будто она была в огне.

Видя эту картину, глаза Сюй Южун тоже стали более яркими, прежде чем стать немного мрачными. Так как, независимо от того, насколько она хотела сражаться с Нанькэ, которая была в подобном состоянии, у нее больше не было сил сражаться. Глаза Чэнь Чаншэна не стали ярче, потому что его глаза всегда были яркими - как и выражение Нанькэ не изменилось, потому что на ее лице не было выражения.

По словам Танга Тридцать Шесть его глаза были, как два зеркала, и были очень яркими и ослепляющими, часто заставляя людей нервничать.

Он был таким же, как и Сюй Южун, и мог ясно чувствовать, что Нанькэ, которая шла по божественному пути так осторожно, как будто боготворила этот путь, и уже привела свое состояние в почти идеальный уровень, отображая невообразимую силу. Однако, в отличие от Сюй Южун, в нем не появилось желания битвы. Он совсем не хотел сражаться с Нанькэ в подобном состоянии.

Это была его самая большая разница с Сюй Южун и Нанькэ, этими бесподобными гениями. Он никогда не сражался ради сражения, и не побеждал ради победы. Когда он делал что-то, чаще всего это было по одной причине: жить. Он верил, что это была самая священная причина, самая важная. Как результат, ему не надо было готовиться, не надо было входить в спокойное созерцание, и не требовалось боготворить, и тем более купаться в благовониях и поститься три дня. Когда ему требовалось сражаться, он уже был готов.

Просто сегодня его состояние не было идеальным.

Было вполне вероятно, что это был последний бой в его жизни. У него не было никакой уверенности, но это не было проблемой, так как он уже выиграл слишком много битв, в которых у него не было причин выйти победителем. Проблема лежала в том, что он должен был сосредоточиться на этой битве, а он вместо этого был немного отвлечен, и чувствовал, что определенные вещи были не сделаны.

В этот момент Нанькэ уже достигла последней части божественного пути, и была всего в трехстах метрах от него.

Он больше не мог сдерживаться и повернулся к Сюй Южун.

«Что не так?» - спросила Сюй Южун.

Юноша посмотрел на ее лицо. Он хотел вытянуть руку и коснуться его, но не посмел.

Сюй Южун подняла свою тяжело раненную и обессиленную руку, и мягко похлопала его по плечу, как будто хотела смахнуть снег с его одежды.

Эти снежинки уже давно растаяли.

Чэнь Чаншэн был удовлетворен. Он посмотрел в ее глаза и невероятно серьезно сказал: «Если мы сможем покинуть Сад Чжоу живыми, я определенно найду тебя».

Сюй Южун посмотрела в его глаза, с силой преодолела свою скромность и намеренно спокойно сказала: «Нет надобности, я найду тебя».

«Конечно», - Чэнь Чаншэн никогда еще не отвечал так быстро.

Если бы Нанькэ в данный момент перестала боготворить мавзоль, и начала атаковать, возможно он и она уже были бы мертвы.

К счастью, Нанькэ не сделала этого.

Закончив это, у него наконец-то больше не было дел, которые могли отвлечь его.

Он посмотрел на маленькую девочку на божественном пути, которая медленно приближалась. Чэнь был спокойным и сосредоточенным.

Как когда-то говорили бесчисленные люди, культивация никогда не была справедливой. Хотя

он изучал Даосские Каноны с раннего детства, и хотя его телосложение отличалось от обычных людей, и хотя он достиг верхней стадии Неземного Открытия всего в пятнадцать, нельзя было так легко сократить дистанцию с талантом родословной. Кроме того, все еще оставалась толпа монстров, которая превратила окружения мавзолея в черный океан.

Это была битва, которая лишь содержала смерть.

Однако, он все еще был настолько спокойным, показывая уравновешенность и спокойствие выше своего возраста. Если посмотреть на него сзади, в этот момент он был похож на великого культиватора меча.

Прежде, когда он смог отбросить сильного противника одним ударом, это произошло потому, что его сердце меча уже отличалось от прошлого. В длительном побеге, который происходил на равнинах в течение нескольких десятков дней, он и Сюй Южун провели много бесед о многих вопросах. То, о чем они общались больше всего, было культивацией. От дождливого храма до заснеженного храма, от камышей в осени до островка травы летом, они всегда говорили об этом. У него был талант в культивации, но не было опыта в бою. Сюй Южун рассказала ему о многих вещах. Что еще более важно, ее отношение к культивации и жизни, подобное спокойствие и умиротворение сильно на него повлияли.

Это было сердце Дао.

Сердце меча в действительности было типом сердца Дао.

С точки зрения яркости сердца Дао, кто был более великим, чем Сюй Южун, среди молодого поколения во всем мире культивации?

Из-за столкновения мечей клинок становился острее. Тоже самое можно было сказать и про сердце меча.

Прямо сейчас его сердце меча было ярко зажженным, так что его намерение меча было сильным и чистым.

Сюй Южун не знала, что ему было лишь пятнадцать лет. Однако, глядя на него сзади, ее немного мрачные глаза вновь стали ярче, как будто новый дождь омыл высохшую гору.

Она отошла от него и вернулась к главному входу мавзолея. Девушка нашла угол, где могла избежать бури, и села, скрестив ноги, укутав себя мешковиной.

Как могло его отношение к жизни уже так сильно повлиять на нее?

Как результат, она закрыла глаза и начала отдыхать.